

УДК 821.161.1 – 31.09

А. К. Павельева

«ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» ГОГОЛЯ: ИДИЛЛИЧЕСКИЙ И ХАОТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП

Проблема хронотопа в цикле Н. В. Гоголя «Миргород» представляет огромный интерес для исследователей творчества писателя. Тем не менее, хронотопу как сюжетообразующему и структурообразующему компоненту поэтики Гоголя не уделяется должного внимания. Ю. М. Лотман в работе «Художественное пространство в прозе Гоголя» касается некоторых особенностей художественного времени и пространства во втором цикле писателя. Но в целом пространственно-временной аспект этого гоголевского цикла не стал предметом отдельных исследований, хотя хронотоп в сборнике «Миргород» сложен и многообразен. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение хронотопов и хронотопических образов в структуре «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а также выявление их функций в произведении и их роли в авторском замысле.

Пространство-время в рассматриваемой повести Н. В. Гоголя можно разделить на два вида. В первых двух главах – это идиллический хронотоп уездного города начала XIX века. Однако, начиная с момента ссоры гоголевских персонажей, то есть, с 7 июля 1820 года (со второй главы по седьмую), характер хронотопа меняется: на смену идиллическому приходит хаотический.

Идиллический хронотоп имеет черты сходства с пространством-временем в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики». Например, дом Ивана Ивановича чрезвычайно напоминает «низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков», принадлежащий Пульхерии Ивановне и Афанасию Ивановичу. Восхищаясь домом Ивана Ивановича Перерепенка, автор в первую очередь упоминает о том, что вокруг этого дома – «со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки». Такое строение делает эти два сооружения не только приятными внешне, но и очень удобными, так как галерея домика Товстогузов позволяла «затворить ставни окон, не замочась дождем», а Иван Иванович любил в жару отдыхать под таким навесом.

Дом Ивана Никифоровича, очевидно, также небольших размеров, и тоже похож на те дома, которые рассказчик с умилением описал в «Старосветских помещиках». «Перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах – ненадежная защита от солнца, которое в это время в Малороссии не любит шутить и обливает пешехода с ног до головы жарким потом» [2, с. 188].

Поместье Товстогузов в «Старосветских помещиках» – это патриархальный мир, «свое», идиллическое пространство любви и взаимопонимания. Таким является и пространство Миргорода в «Повести о

том, как...» (здесь и далее название повести даётся в сокращённом виде – А. П.) до размолвки двух приятелей. Это «своё» пространство, пространство дружбы и взаимопонимания.

В первой повести «миргородского» цикла в изображении пространства Гоголь удачно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы, а в последней повести писатель прибегает к иному, возможно даже более интересному методу создания образа идиллического пространства. В этом произведении о человеке судят по его дому: «Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!» [2, с. 181]. Впечатление о Миргороде также складывается по имеющимся в нём постройкам: «Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенную, и под очеретяную, даже под деревянную крышею» [2, с. 199].

Хронотоп дома – неперемнная составляющая идиллического хронотопа в первых повестях Н. В. Гоголя. Характеризуя пространство дома, в «Повести о том, как...» автор, как и в «Старосветских помещиках», даёт опосредованную характеристику владельцев этих строений. Приятное впечатление о героях создаётся писателем ещё до их появления на страницах повестей. Не человек сам по себе, не сам Иван Иванович, нравится персонажам повести и рассказчику, но прежде всего его дом и, как следствие, и сам его владелец. Так, «покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича» [2, с. 182], а рассказчик восхищённо отмечает, что «домишко очень недурен».

В отличие от «Вечеров», в которых Гоголь кратко характеризовал героев при помощи нескольких метких фраз, в сборнике «Миргород» (в частности в «Старосветских помещиках», «Тарасе Бульбе», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») образы персонажей раскрываются преимущественно через пространственно-временные характеристики, например, через пространство дома. Символично, что описание дома и сада героя в последней повести второго гоголевского цикла начинается и заканчивается восклицанием: «Прекрасный человек Иван Иванович!».

Мотив дома является одним из ключевых в рассматриваемом произведении. Дом – это не только пространственное воплощение его владельца, «лицо» Ивана Ивановича или Ивана Никифоровича. Традиционно это символ укрытия, убежища, крепости. В доме прячется Иван Иванович после того, как тайком развалил хлев Ивана Никифоровича: «в страшном испуге прибежал он домой и бросился на кровать, не имея даже духа поглядеть в окно на следствия своего страшного дела» [2, с. 198]. А после неудачной попытки примирения Иван Иванович и вовсе «заперся в своем доме» на целый месяц. Иван Иванович боится мести своего бывшего товарища. Но он опасается не физической расправы, не словесного оскорбления, не подлости, а того, что Иван Никифорович разрушит его дом: «ему казалось, что <...> все с дреколями <...> шли разорять и ломать его дом» [2, с. 198]. Иван Иванович

даже в судебном иске высказывал опасения, что Иван Никифорович будто бы «питает в душе злостное намерение» поджечь его в собственном доме.

И дом, и двор Ивана Ивановича производят идиллическое впечатление. Однако рассказчика приводит в восторг также и его роскошный сад: «Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно – так ветви и врываются в комнату. Это все перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду!». При помощи приёма перечисления рассказчик создаёт впечатление «плотности», тесноты пространства, его наполненности деревьями, строениями и т.д. «Чего там *нет!* Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница» [2, с. 181].

Второго героя повести читатель воспринимает уже сквозь призму характеристик Ивана Ивановича. «Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они также между собою приятели, каких свет не производил» [2, с. 183]. Поскольку образы героев раскрываются автором через хронотопические образы дома, сада, плетня, уездного города и т.д., то кажется, будто Иван Никифорович такой же хороший человек оттого только, что его двор находится по соседству со двором Ивана Ивановича.

Гоголь фиксирует детали идиллического хронотопа, изображая дома и дворы жителей Миргорода, в частности, дворики двух друзей. Рассказчик отмечает, что во дворе Ивана Никифоровича «пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке, – картина, которую любят живописцы!» [2, с. 188]. Описывая дворик Ивана Никифоровича, автор перечисляет находящиеся в нём предметы, которые создают впечатление картинности и подчёркивают заполненность пространства.

Примечательно, что двор Ивана Никифоровича представлен рассказчиком совершенно иначе, без восторга. На ему принадлежащей территории всё приобретает черты некой хаотичности: по двору валяются «корки арбузов и дынь», «изломанное колесо», мальчишка лежит там «в запачканной рубашке».

Интересна «точка зрения» рассказчика об идиллическом пространстве «Повести о том, как...». Дома в Миргороде описываются «издали». «Мне нравится, что к нему (к дому – А.П.) со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве» [2, с. 182].

Рассказчик создаёт образ тихого провинциального городка, без воровства и мошенничества, в котором живут «приятели, каких свет не производил». В этом идеальном пространстве милостивы не только симпатичные «дома и домики», но и лужа на городской площади. «Удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь.

Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» [2, с. 199]. Так как в обеих повестях изображенное пространство является родиной рассказчика, который проживает далеко от родных мест и вспоминает их с теплотой и умилением, то это пространство представлено как «своё», близкое сердцу и духу. Рассказчик любит миргородским миром, но для автора он – символ застоя. Когда Гоголь уточняет, что городничий любовно называет эту лужу «озером», в его словах звучит явная ирония.

Важную роль в художественной структуре в повести играет хроникально-бытовой хронотоп. Прежде всего, пространство Миргорода в «Повести о том, как...» – конкретное. Это «живой» уездный городок с площадью, поветовым судом, двориками, отгороженными плетнем. Рассказчик, очевидно, уроженец Миргорода, очень детально описывает свой родной город. Например, переулочек, на который «выходили с одной стороны сарай Ивана Ивановича, с другой – амбар, ворота и голубятня Ивана Никифоровича», не играет существенной роли в повествовании. Однако рассказчик вспоминает, что этот переулочек «был так узок, что если случалось встретиться в нем двум повозкам в одну лошадь, то они уже не могли разъехаться и оставались в таком положении до тех пор, покамест, схвативши за задние колеса, не вытаскивали их каждую в противную сторону на улицу. Пешеход же убирался, как цветами, репейниками, росшими с обеих сторон возле забора» [2, с. 188]. Отличительная особенность данного пространства – его узость. Подобные переулочки типичны для уездных городов начала XIX века. Но автор не случайно упоминает о такой пространственной особенности этого переулочка. Она подчёркивает близость жителей Миргорода, их осведомленность о жизни друг друга. В этом провинциальном городке новости распространяются молниеносно. «Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день *весь Миргород* узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича» [2, с. 214].

И всё же, несмотря на некоторую типичность этого уездного городка, гоголевский Миргород своеобразен. «Дома и домики», здание поветового суда, лужа посреди площади и собаки – вот его основные пространственные ориентиры. «Иван Иванович оделся, взял в руки суковатую палку от собак, потому что в Миргороде гораздо более их попадает на улице, нежели людей, и пошел» [2, с. 187-188]. Одним небольшим предложением автор мастерски превращает Миргород из обычного малороссийского уездного городка в удивительный город, непохожий ни на какой другой в мире, хотя бы даже и количеством проживающих в нём собак.

В «Повести о том, как...» символично само название города, в котором происходят описываемые рассказчиком события. Ведь об идилличности данного пространства свидетельствует уже то, что двое приятелей, о которых идёт речь в повести, живут в МИРГороде. Здесь все вопросы решаются полюбовно. Городничий соглашается не забирать свинью Ивана Ивановича в обмен на колбасу из свиной крови и сала, жители пытаются помирить

рассорившихся друзей, а судебный иск не был пущен в ход, чтобы не причинить никому вреда.

Идиллическое пространство Миргорода характеризуется особенным звуковым наполнением. Лай многочисленных собак, как особенность сельского пространства, совершенно не раздражает слух. Диссонансы в миргородском пространстве появляются сразу же после ссоры приятелей. Иван Иванович покинул дом Ивана Никифоровича, «хлопнув за собою дверь, которая с визгом захрипела и отворилась снова». То есть, звуковая составляющая пространства «расстроилась», как только оно перешло из разряда идиллического («дружелюбного») в хаотическое («враждебное»).

В Миргороде даже мясные изделия особенные. Так, судья, разговаривая с подсудком, упоминает о том, каким балыком его угощали. «Да, не нашего балыка, которым, – при этом судья сделал языком и улыбнулся <...>, – которым угощает *наша бакалейная миргородская лавка*» [2, с. 201].

Идиллическое пространство Миргорода во времена дружбы двух Иванов цельное и ровное. Его не разъединяет даже плетень, который в данном случае не является границей между внутренним («своим») и внешним («чужим») пространством, как, например, в «Старосветских помещиках». Это декоративный элемент пространства. «Везде прекрасный плетень; по нему вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь!» [2, с. 199]. Автор подчёркивает, что плетень радует глаз, он всегда убран предметами, которые делают его еще более живописным, и украшен напыленной плахтой, сорочкой, или шароварами. А поскольку в Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, каждый вешает на него то, что ему вздумается.

Последняя фраза объясняет не только расположение границ в Миргороде, но и характер отношений между его жителями. В этом идеальном мире нет преступности, поэтому плетень как бы и не нужен, он не оберегает и не защищает, а является лишь формальностью, видимостью разделения единого идиллического мироустройства.

До размолвки двух приятелей плетень между их дворами не считался оградой. Можно было наведываться друг к другу в гости, переступая через него, вместо того, чтобы обходить по улице. Находясь в собственном дворе, один герой видит, что делается у другого. «Иван Иванович задумался; а между тем *глаза его <...> перешагнули чрез забор* в двор Ивана Никифоровича и занялись невольным любопытным зрелищем» [2, с. 186].

Плетень в данной повести утрачивает свою привычную разграничивающую и отграничивающую функцию. Наоборот, создаётся впечатление, что в «Повести о том, как...» до ссоры двух друзей плетень «сшивает» пространство, соединяет миргородские дворики. После ссоры плетень как деталь пространства начинает выполнять иную функцию.

Так, когда Иван Иванович решил идти к соседу за ружьём, он не перелез через плетень, а отправился в обход, «улицею», несмотря на все связанные с этим неудобства: собак и репейники. Соблюдая все формальности официального визита, он, как и положено, вошёл во двор приятеля через ворота.

Ссора между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем разрушила не только дружеские, добрососедские отношения между героями, но и «раздробила» идиллическое пространство Миргорода. Городок рассыпался на куски. «Все приняло другой вид: если соседняя собака затесалась когда на двор, то ее колотили чем ни попало; ребяташки, перелазившие через забор, возвращались с воплем, с поднятыми вверх рубашонками и с знаками розг на спине» [2, с. 197]. Плетень превратился в незыблемую границу, которую нельзя было нарушить. «Иван Иванович видел, как баба уже поставила ногу на плетень с намерением перелезть в его двор, как вдруг послышался голос Ивана Никифоровича: “Назад! назад! не нужно!”» [2, с. 196].

Ситуация достигла стадии абсурда. Тёзки перedelили не только землю между своими дворами, но и степное пространство. Так, Иван Никифорович стал упрекать соседа в том, что его волы последнего пасутся не на своей территории: «Ваши волы пасутся *на моей степи*, и я ни разу не занимал их» [2, с. 191].

Гоголь умело использует гиперболу в изображении пространства. Например, шаровары Ивана Никифоровича напоминают шаровары Тараса Бульбы «шириною в Черное море, с тысячью складок». «У Ивана Никифоровича <...> шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением» [2, с. 185]. То есть, изображая внешность героя, автор использует пространственные характеристики. При этом ширина одежды сопоставляется с размерами двора её владельца, например, указывается, что «*нанковые шаровары* Ивана Никифоровича <...> заняли собою почти половину двора» [2, с. 187].

Таким образом, пространственно-временные отношения играют важную роль в характеристике персонажей, которые представлены в рамках сюжетного времени до ссоры и после неё, а также в пространстве их двориков и домиков. Кроме того, хронотопически выражена даже их размолвка. Ивана Ивановича возмущает то, что этот «отвратительный» для него хлев «выстроен был с дьявольской скоростью: в один день». Примечательно, что этот хлев появился и на месте перелаза через плетень «как будто с особенным намерением усугубить оскорбление».

Месть Ивана Ивановича также выражена при помощи пространственных характеристик. Он не отвечает своему бывшему другу словесно, но разрушает ненавистный ему гусиный хлев. Из-за ссоры между двумя миргородцами страдают не только они сами, но и изменяется принадлежащее им пространство.

Человеческие отношения в данной повести раскрываются через пространственные характеристики, а точнее – через заполняющие его предметы: дом, гусиный хлев, плетень и т.д. Разрушенные строения символизируют разрыв отношений и поломанные судьбы героев, а пространственные преграды – плетень и застройка границы между дворами двух соседей – разрыв былых дружественных отношений, раздробленность чувств, распад пространства, хаос. Пространство Миргорода разделилось на «своё», на то, в котором находился тот или иной персонаж, и на «чужое», в котором появлялся его недруг. Бывшие приятели не желали находиться в одном и том же месте: «где один, туда другой ни за что не пойдет!» [2, с. 217].

В повести Гоголя чётко указано календарное время, – 7 июля 1810 года. Следует заметить, что это первая гоголевская повесть, в которой автор конкретно указал важную в ходе сюжетного времени дату. Так, в повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Ночь перед Рождеством» можно вычислить время действия, зная православный календарь. Это день рождения Иоанна Крестителя и праздник Рождества Христова. Календарное время в остальных повестях можно вычислить приблизительно по приметам, связанным с погодой, земледельческим действиям и косвенным упоминаниям о различных церковных праздниках. И только в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь указывает переломную в ходе сюжета дату. Однако читатели и критики, увлеченные перипетиями тяжбы, упускают её из виду. А ведь это Ивана Купала (Иоанна Крестителя). Как и в «Вечере накануне Ивана Купала» именно в этот день произошли решающие события, повлиявшие на дальнейшую жизнь героев. Правда, в «Повести о том, как...» календарное время не имеет столь важного мистического значения, как в «Вечере накануне Ивана Купала», но всё же, думается, автор не случайно выбрал именно этот день. Использование точной датировки создаёт иллюзию правдоподобности. Основная её функция заключается в том, чтобы представить описываемые события как такие, которые действительно имели место в жизни рассказчика и в истории Миргорода.

Кроме того, с помощью точной датировки и некоторых вещей, заполняющих пространство, можно вычислить историческое время повести. Так, дорогое железное ружье, ставшее яблоком раздора между двумя приятелями, было куплено Иваном Никифоровичем около двадцати лет назад, когда он «готовился было вступить в милицию и отпустил было уже усы». Если отнять от 1810 года двадцать лет, получим 1790 год, и становится ясно, почему Иван Никифорович не стал военным. Указом Екатерины Второй в 1791 году была разрушена Запорожская Сечь, и это, видимо, воспрепятствовало военной карьере Ивана Никифоровича. О его казацком прошлом свидетельствует вывешенное проветриваться вместе с ружьём обмундирование, а именно «старый мундир с изношенными обшлагами», «синий козацкий бешмет», «шпага, походившая на шпич, торчавший в воздухе», «старинное седло с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов, с

чепраком когда-то алого цвета, с золотым шитьем и медными бляхами», нанковые шаровары [2, с. 186]. Эти нанковые шаровары являются не только символом казаччины, исторического прошлого, но и символизируют храбрость. Так, противопоставляя характеры двух друзей, рассказчик замечает, что «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, *напротив того*, шаровары в таких широких складках...» [2, с. 185].

В гоголевской «Повести о том, как...» интересен случай использования давно прошедшего времени, в частности, упоминаний о том времени, «когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев». Это мифологическое время Миргорода, местное – «за царя Панька». Используя эту обыденную фразу, автор создаёт впечатление, будто это было очень давно.

Дневное время в повести представлено как обыденное. В изображении ночного Гоголь традиционно подчёркивает очарование ночи, а его прозаический текст приобретает при этом поэтический характер. «О, если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется влюбленный пономарь и перелезает через плетень с рыцарскою бесстрашностью» [2, с. 197]. Далее в этом длинном перечне с присущей Гоголю детализацией упоминаются «белые стены домов, охваченные лунным светом», «тень от деревьев», «цветы и умолкнувшая трава», «сверчки, неугомонные рыцари ночи» и т.д.

Живописная ночь – время сна и отдыха, описана в романтических тонах, и ощутимо напоминает «очаровательную», «божественную» ночь в повести «Майская ночь, или утопленница», а священнослужитель-греховодник в чём-то похож на Афанасия Ивановича, попovichа-горе-любовника из «Сорочинской ярмарки», который также перелезал через плетень, как и влюбленный пономарь. «Я бы изобразил, – продолжает рассказчик, – как в одном из этих низеньких глиняных домиков разметающейся на одинокой постеле чернобровой горожанке с дрожащими молодыми грудями снится гусарский ус и шпоры, а свет луны смеется на ее щеках» [2, с. 198]. Данный фрагмент текста ассоциируется с эпизодами из «Ночи перед Рождеством», в которых автор изображает появление в душе Оксаны з нежных чувств к кузнецу Вакуле.

В идиллическом пространстве повести преобладает хроникально-бытовое время. Это размеренная, спокойная, привычная миргородская жизнь. Основной характеристикой хроникально-бытового времени является цикличность. Так, Иван Иванович кушает дыню, «как только отобедает», «*всегда*» угощает Гапкиных детей, которые «бегают *часто* по двору», ходит в церковь «*каждый* воскресный день», где «*обыкновенно* помещается на крылосе». Два друга «*часто* переговариваются друг с другом с своих балконов».

Особого внимания заслуживает то, как часто использует Гоголь слово «обыкновенно». Иван Иванович «вышел, *по обыкновению*, полежать под навесом», «*обыкновенно* говорил» с нищими у церкви, «*обыкновенно*

спрашивал» их, «*обыкновенно* отвечал», а «старуха *обыкновенно* протягивала руку». Иван Иванович по «своему *всегдашнему обыкновению*» прогуливался по вечерам. А когда его приятель вымолвит какое неприличное слово, то «*обыкновенно Иван Иванович встает с места*» и укоряет своего друга. «Иван Иванович если попотчивает вас табаком, то *всегда наперед лизнет* языком крышку табакерки». Иван Никифорович лежал весь день на крыльце, «*обыкновенно* выставив спину на солнце», а «Антон Прокофьевич Пупопуз <...> *обыкновенно* говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой». Мать судьи Демьяна Демьяновича *каждый день* приводила ему и его сестре в пример Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

И хотя в первых трёх абзацах произведения повествование ведётся в настоящем времени, рассказчик плавно переходит на глаголы несовершенного вида прошедшего времени, подготавливая читателя к тому, что эта идиллия скоро разрушится. Знакомя читателя с друзьями и характеризуя Ивана Никифоровича, Гоголь намекает на ссору двух приятелей: «*в прежние времена* зайдет, *бывало*, к Ивану Ивановичу». Неоднократно глагол «бывало» используется автором в третьей главе повести с целью подчеркнуть разительную перемену привычек и занятий двух друзей после их размолвки. Приём контраста создаёт тягостное впечатление: рассказчик проводит параллели между тем, как «бывало» раньше, и как стало «теперь». Дружба тёзок считалась в Миргороде олицетворением стабильности, прочности, неизменности. Известие об их вражде настолько поразило рассказчика, что он разочарованно вопрошает: «Что ж теперь прочно на этом свете?» [2, с. 195].

В качестве временной характеристики можно рассматривать использование повествователем следующей фразы. «Городничий шел чрезвычайно скоро и размахивал руками, что случилось с ним, *по обыкновению*, весьма *редко*» [2, с. 209]. Индивидуально-авторское использование такого словосочетания – «по обыкновению, весьма редко» придаёт повести особую смысловую нагрузку. Событие, происходящее «по обыкновению» (то есть, обыкновенно, обычно), воспринимается как такое, которое бывает «часто», «не редко». У Гоголя же, наоборот, наблюдается некий стилистический оксюморон: «по обыкновению редко» имеет значение «часто-редко».

Сюжетное время в «Повести о том, как...» можно определить как «точечное». Несущественные моменты времени в нём опускаются, о чём свидетельствуют названия глав, в которых автор даёт краткое изложение изображённых в них основных событий.

Важную роль в «Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем» играет временная оппозиция «прошлое/настоящее», где прошлое – время дружбы двух Иванов, счастливое и беззаботное «идиллическое» время, а настоящее – унылые времена тяжбы и ссоры. Настоящее в данном произведении также циклично. «Бумагу поместили, записали, выставили номер, вшили, расписались – всё в один и тот же день, и положили дело в шкаф, где оно лежало, лежало, лежало – *год, другой, третий*»

[2, с. 215-216]. Много чего изменилось в городе за это время. «Множество невест успело выйти замуж; в Миргороде пробили новую улицу; у судьи выпал один коренной зуб и два боковых; у Ивана Ивановича бегало по двору больше ребятишек, нежели прежде: откуда они взялись, Бог один знает! Иван Никифорович, в упрек Ивану Ивановичу, выстроил новый гусиный хлев, хотя немного подальше прежнего, и совершенно застроился от Ивана Ивановича, так что сии достойные люди никогда почти не видали в лицо друг друга, – и дело все лежало, в самом лучшем порядке, в шкафу, который сделался мраморным от чернильных пятен» [2, с. 216]. Указанные детали приобретают иронический характер, вызывают улыбку, но при этом они подчёркивают, что жизнь продолжается, а Иван Иванович и Иван Никифорович в течение двух лет занимаются всё тем же – судятся друг с другом.

После неудачной попытки примирения всё снова вернулось на круги своя. Время бежит для миргородцев, всё меняется, стареют и враждующие соседи, которые так и не согласились на мировую. И когда Иван Иванович получил известие о том, что завтра решится «дело», он осмелился выйти из дому. «Увы! с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!» [2, с. 225]. Герои истратили целое десятилетие впустую, на вражду. Каждый день Иван Иванович и Иван Никифорович ожидают решения суда в свою пользу, и каждый день для них заканчивается разочарованием.

Итак, в «Повести о том, как...» можно выделить циклическое время («обыкновенно»), календарное, суточное, историческое время казаччины и мифологическое время («тогда ещё, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев»), однако же эти виды художественного времени играют второстепенную роль в произведении. Преобладающими видами хронотопа в повести являются идиллический (цельное пространство Миргорода до ссоры двух приятелей) и хаотический (раздробленное пространство Миргорода после их размолвки, то есть, после 7 июля 1810 года). Гоголь изобразил хроникально-бытовой хронотоп Миргорода как типичный для малороссийского уездного города начала XIX века.

Хронотопические образы дома, плетня, поветового суда, а также образы, имеющие символический характер, являются главными составляющими ключевого мотива повести – мотива ссоры и способствуют изображению характеров Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Атрибут исторического времени – ружье – становится причиной разрыва дружеских отношений, а сама ссора имеет пространственные последствия: разрушение гусиного хлева, захват земли, застройка границы между дворами двух приятелей, раздел пространства на «дружественное» и «враждебное», утрата Миргородом пространственной целостности, единства патриархального мироустройства.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. II / Миргород. Под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Примеч. С. И. Машинского. М., «Худож. лит.», 1976. – 333 с.
3. Лотман Ю. М. О русской литературе / Художественное пространство в прозе Гоголя. СПб, 1997. – С.621-658

Аннотация

А. К. Павельева. “«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя: идиллический и хаотический хронотоп”

В статье рассматриваются виды художественного времени, художественного пространства и разновидности хронотопа в последней повести цикла «Миргород». Автор выделяет два основных сюжетобразующих типа хронотопа в гоголевской повести: идиллический и хаотический, а также анализирует такие виды художественного времени повести, как циклическое, календарное, суточное, историческое, мифологическое, сюжетное, временную оппозицию «прошлое/настоящее». Особое внимание уделяется хронотопу дома и хронотопу плетня как важным составляющим образов героев повести – Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Ключевые слова: повесть, художественное время, художественное пространство, хронотоп, хронотопический образ, антитеза, автор, повествователь, мотив, временная оппозиция.

Анотація

А. К. Павельєва. “«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя: ідилічний та хаотичний хронотоп”

В статті розглядаються види художнього часу, художнього простору і різновиди хронотопу в останній повісті циклу "Миргород". Автор виділяє два основних сюжетотворчих типи хронотопу в гоголівській повісті: ідилічний та хаотичний, а також аналізує такі види художнього часу повісті, як циклічний, календарний, добовий, історичний, міфологічний, сюжетний, часову опозицію «минуле/теперішнє». Особлива увага приділяється хронотопу дому та хронотопу тину як важливим складовим образів героїв повісті – Івана Івановича та Івана Нікіфоровича.

Ключові слова: повість, художній час, художній простір, хронотоп, хронотопічний образ, антитеза, автор, оповідач, мотив, часові опозиція.

Summary

A. K. Pavelyeva. «Gogol’s “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled With Ivan Nikiforovich”»: Idyllic and Chaotic Chronotop»

Different types of belles time and belles space and the variety of chronotops in the last short-story of the miscellany “Mirgorod” are considered in the article. The author points out two main plot-forming types of chronotop in Gogol’s short-story: the idyllic and the chaotic. She also analyzes such kinds of belles time in the short-story under examination, as: cyclic, calendar, diurnal, historical, mythological, narrative, the temporal opposition “the past-the present”. Particular emphasis is given to the chronotop of the house and the chronotop of wicker fence as to the most important components of the images of the characters – Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich.

The Key Words: a short-story, belles time, belles space, chronotop, chronotopic image, antithesis, the author, the narrator, the motive, temporal opposition.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором В. И. Мацапурой.